

Эпоха рыбы

ПАВЕЛ
ЛЯТОШИНСКИЙ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Павел Лятошинский

Эпоха рыбы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43684716

SelfPub; 2019

Аннотация

Книга состоит из двух рассказов. Обе истории охватывают один и тот же временной отрезок. Череда рутинных событий даёт героям неожиданные ответы на вечные вопросы. Содержит нецензурную брань.

Содержание

«Эпоха рыбы»	4
(история первая)	4
Глава первая	4
Глава вторая	7
Глава третья	10
Глава четвертая	16
Конец ознакомительного фрагмента.	21

«Эпоха рыбы»

(история первая)

Глава первая

Приступ кашля разбудил пожилого мужчину в вагончике. Он отпил из стоявшей возле кровати бутылки и выругался, сплевывая на пол:

– Твою ж мать, разве это вода? Моча какая-то, тьфу!

Свернутый бушлат под головой, заменял подушку и насквозь пропитался потом.

Светало. Послышался глухой стук в окно.

– Дми-трич. Дми-трич. Иди, чего покажу, – едва слышно бубнил голос за окном.

– А, копатель, ты, – зевая, отозвался старик.

– Июнь в этом году очень жаркий, вот я и решил, это самое, пораньше сегодня, – оправдывался пожилой мужчина и грязным пальцем указывал на свешивавшийся по обе стороны велосипеда мешок медной проволоки.

За железнодорожным переездом, в начале улицы Тополиной, Дмитрич сторожил территорию, на которой некогда складировали отходы производства компрессорного завода.

Завода не стало. Отходы вывезли, а территорию сдавали в аренду. Последние арендаторы месяц, как съехали и вокруг, на сколько хватал глаз, стелилась трава с редкими островками щебня.

Копатель, именем которого сторож не интересовался, часто приезжал на стареньком «аисте». Наковыряв кайлом медных трубок и проводков, он вез их в пункт приема лома цветных металлов. В благодарность за возможность проводить свои раскопки, копатель угощал Дмитрича дешевым алкоголем и иногда привозил еду.

Неделю спустя жизнь сторожа наполнилась новым смыслом. Бывшая свалка была передана в аренду фирме, производившей железобетонные изделия. На территории появились люди и техника. Впрочем, изменения были не такими уж существенными. Постоянно трудился только один парень, который связывал стальной проволокой пруты арматуры и укладывал их в опалубку. Ближе к полудню приезжал грузовик с полусухим бетоном и опалубки наполнялись серой смесью. Водитель обменивался с рабочим парой фраз, курил и неспешно уезжал. Ближе к вечеру автокран вынимал из опалубок колодезные кольца, и складывал их за вагончиком.

Копатель больше не приезжал.

Сторож присматривался к соседу. Рабочий, которому едва исполнилось двадцать лет, избегал старика, пока в отлаженный рабочий процесс не вмешались затяжные дожди.

Третий день дождь не прекращался. Работа стояла.

В вагончик сторожа заглянул худой низкого роста парень.

– Андрей, – представился рабочий и протянул Дмитричу изъеденную бетоном руку.

– Иван Дмитриевич, – протянул руку старик, – для друзей, просто Дмитрич.

– Ну и дождище. Льет как из ведра, – начал беседу Андрей, – раньше, говорят, такого не было, всё из-за водохранилища, да?

Старик пожал плечами.

– Чаю будешь? Только закипятил.

Андрей покачал головой и прислонился к двери. С резиновых сапог на пол стекала грязь, перемешанная с цементом.

Юноша разглядывал разворот журнала десятилетней давности, аккуратно приклеенный на стене. На фотографии была девчачья музыкальная группа. Небрежным жестом Дмитрич указал на кудрявую блондинку в центре плаката и добавил:

– Внучка моя, Машка.

Андрей напряженно вглядывался в лицо девочки.

– Я пошутил, – прервал Дмитрич поток мыслей.

– Нет у меня никакой внучки. Есть Жук, друг. Ты его знаешь, в будке перед вагончиком живет, собака моя сторожевая, – продолжал старик. – Никого нет, а Жук есть.

– Иван Дмитрич, я тут заметил, что вы постоянно здесь? Дом-то у вас есть? – поинтересовался Андрей.

– Конечно, есть. Далеко, правда, отсюда. В другом районе. А какие у меня деревья в саду... – не унимался старик. Он лукавил. Ни дома, ни сада, ничего у него было.

Глава вторая

О прошедшем накануне ливне ничего не напоминало. Земля с жадностью впитала каждую выпавшую с неба каплю. Обильные осадки не давали свежести. Вода, попадая на камни, испарялась моментально, наполняя воздух липким паром.

Андрей застал Дмитрича за чтением школьного учебника по литературе. Потрепанная книга в твердом переплете с огромным жирным пятном лежала на коленях. Старик страдал дальновзоркостью и только так мог прочитать мелкий шрифт.

– Правильно, Дмитрич, лучше уж поздно, чем никогда.

Старик не поднимал головы от книги. Бледные, с синим оттенком, губы едва заметно шевелились. Коротко прокашлявшись, он произнес:

– Послушай что написали:

«Унылая пора! Очей очарованье!

Приятна мне твоя прощальная краса -

Люблю я пышное природы увяданье,

В багрец и в золото одетые леса...»

– Пушкин в Краснодаре просто не был, перебил Андрей.

Нет никакого уныния, а тем более увядания. Листья цвет поменяют, но это не увядание, как например седина, а вроде бы как девчонка перекрасила волосы, а всё такая же озорная...

– Ты по делу или так? Бетон везут, так что, хватай свою лопату и не мешай образованному человеку наслаждаться поэзией золотого века, – закипал от злости старик.

– Я, если что, здесь ненадолго. Поработаю немного, пока работу по специальности не найду с кондиционером и хорошей зарплатой.

– Мы все здесь ненадолго, потому что жизнь коротка. Я когда сюда приехал, тоже на лучшую долю рассчитывал. А вышло так, как вышло. Специальность сейчас у всех одна, и я этот город давно понял – город посредников. Никто не хочет работать, заводы-фабрики стоят, одни начальники во-круг и те, кто их проверяет, и ещё те, кто контролирует тех, кто проверяет их всех, и так бесконечно. Чем ты лучше?

– Не лучше, не хуже, а всё же даст Бог мне лучше жизнь когда-нибудь.

– Даст Бог, – усмехнулся старик – пойд и возьми, причем здесь Бог? Я в церквях не был и на Бога никогда не кивал. Сам на себе всё тянул. Тяжело было. Всегда. Я когда сюда приехал, поначалу никого не знал, наивный, думал же, что на юге у всех всё хорошо. Денег не было. Пойду, бывало, на колхозный рынок и в засаде у туалета стою. Там перегородки низкие между кабинками были, не знаю, как сейчас, а тогда по пояс были, не выше. Так вот стою, жду. Идет представи-

тельного вида член, я за ним. Только он присядет, так я шапку его меховую хватаю, под куртку суну, и бежать со всех ног. Ну а он – то с голой задницей далеко не убежит. Вечером на Гидрострое продам за копейки и день ещё протяну. Сейчас всё проще. Намного проще.

Старик запнулся. Выражение его лица моментально переменялось, как будто вспомнил что-то очень важное. Всё это время он не поднимал головы, и со стороны могло показаться, что диалог ведется с сапогами Андрея. Подняв голову и глядя в глаза юноше, он продолжил:

– Странное дело, про Бога часто теперь слышу, а вот портрета его не видал. Что скажешь, специалист, может, ты мне его покажешь?

– Его нет, – пробормотал Андрей, – то есть, портрета нет, как вы выразились, а Бог он точно есть. Сын у него был – Иисус Христос, вот его портрет есть – икона называется.

– Иисус тогда получается, что не Бог?

– Нет, – нерешительно возражал юноша, – Иисус он сын Бога, но он, как бы, был человеком. Мать его человеком была, а сам он, тоже, вроде, Бог. Не знаю, как правильно это сказать. Бог его на землю послал, что б он людям рассказывал, как жить правильно, и что б души спасти их тоже. Еще он по воде ходил, и...

– Как так по воде ходил? Куда ходил?

– Не знаю куда ходил и зачем, слышал, что по воде ходил.

– Ну, раз ходил, значит надо было ему. Так каждый смо-

жет. Ты ж сказал, что он человеком был, ну а раз человеком был, значит, и я повторить такой фокус сумею, – не унимался старик.

Спор прервал прибывший грузовик с бетоном.

Привычными движениями Андрей перекидал из кузова грузовика в металлические цилиндры едва влажную бетонную смесь, затем спрыгнул на землю, щелкнул рубильник, и пара вибрирующих двигателей моментально утрамбовали смесь в формах. Сотни раз повторял Андрей эту несложную, доведенную до автоматизма, операцию, но сегодня всё валилось из рук.

– Соберись, Андрюша, – напутствовал водитель грузовика, – арматура вон торчит, подлечить нужно.

Андрей не слушал. Слова старика звучали, как приговор: «Я тоже на лучшую долю рассчитывал. А вышло, так как вышло». «Ну уж нет, – отмахнулся Андрей от навязчивой мысли, – конечно, я лучше, уж точно лучше старого алкаша».

Подняв на лопате рассыпавшуюся бетонную смесь с земли, водитель грузовика отправил её в цилиндрическую форму для колодезных колец.

– Ну, вот, теперь порядок, – отрапортовал водитель и вручил растерянному Андрею его орудие.

Глава третья

Быстрым шагом Андрей шел мимо сторожки. Жук грелся

в лучах утреннего солнца. Легким колебанием хвоста он приветствовал рабочего, не поднимая головы. За спиной Андрей услышал скрип двери вагончика и почувствовал взгляд старика.

– Стой, кто идет! – саркастически скомандовал сторож и подошел к Андрею. – Ты на меня старого, не обижайся, я тут совсем одичал, кроме как с Жуком и поговорить-то не с кем.

– Я не обижаюсь, Дмитрич, вы, конечно, во многом правы, люди все разные, и кто-то должен...

Старик несогласно качал головой. Андрей запнулся, не зная, как реагировать на протест старика и не решался продолжить, хотя слова бешеной лавиной рвались с языка.

– Все люди одинаковые, Андрюш. От твоего отношения к этому всё зависит. Ты вот смотришь на меня и думаешь, что я другой, не такой как ты. Зажмурься, и не увидишь разницы. Представь на секунду, что я чувствую, когда занозу под ноготь вгоню, ну или хожу в тесном ботинке, да что хочешь представь. Представил. Вот то-то же. Мы с тобой чувствуем одно и то же и всем нам одинаково известны и боль, и тепло, и холод, и голод, и радость. Где же разница, по-твоему?

– В душе разница, где же еще?!

Старик пожал плечами.

– Удобно так жить. Бог поможет, Бог даст, а разница в душе. Себе-то веришь?

– Верю, конечно. Как иначе!?

– А если Бог есть, то почему же тогда войны случаются,

и невинные почему же страдают, откуда несправедливости столько?

Андрею наскучил этот разговор. Меньше всего заботили его этим утром вопросы духовности и божественного провидения, но чувство вины за вчерашнюю размолвку не давало Андрею оборвать разговор резко, так, как ему того хотелось.

– Иван Дмитриевич, сходили бы вы в церковь. Я всё ж по бетону мастер, а там мастера по душам и беспокоящим вас вопросам. Сходите. Не укусит вас там никто. Батюшке вопросы зададите, и он вам всё по полочкам разложит, а мне опалубку разобрать нужно, – сказал Андрей и, кивнув головой на площадку, уставленную зелеными цилиндрами, оставил старика.

«Пойду. Сегодня же за поход в церковь никто не казнит, наверно», размышлял старик, тщательно выполаскивая в кружке бритвенный станок. Вокруг стоял крепкий аромат «Шипра». Волнение переполняло сторожа через край. Он редко выходил за пределы вверенной ему территории.

Поборов сомнения, старик направился на автобусную остановку. Автобус подошел по расписанию. Дмитрич оплатил проезд и занял свободное место возле окна.

Город менялся. Новые дома сверкали роскошью, но улицы были все такими же узкими, как и много лет назад.

Вблизи Свято-Екатерининского собора нищие лениво просили милостыню, выставив перед собой стаканчики с мелочью. С грохотом пронесся трамвай. Старик подошел

к входу. Массивные двери распахнулись перед ним тихо и легко. Посреди просторного зала находилась алюминиевая емкость, перед которой стояли люди: нарядные мужчины и женщины с покрытыми платками головами. Священник троекратно погрузил младенца в купель и произнес: «Крещается раб Божий Иоанн во имя Отца, аминь. И Сына, аминь. И Святаго Духа, аминь». Младенец истошно кричал в руках служителя церкви, что вызывало у присутствующих непонятное старику умиление.

Дмитрич осторожно сделал несколько шагов в сторону от входа. Постоял. Осмотрелся. Никем не замеченный, ходил он вдоль стен собора, разглядывая фрески и сверкающие золотом иконы. Старика не покидало чувство, что за ним кто-то наблюдает. Казалось, что вот-вот кто-нибудь выскочет из-за угла, ткнет в него пальцем и прилюдно осудит его за присутствие в этом месте, но никто на него так и не обратил внимания. Тонкие свечи, горевшие повсюду, наполняли воздух приторным ароматом воска. Почувствовав головокружение, старик попятился к выходу.

Стремительно близился вечер. Дмитрич проехал несколько остановок на трамвае и пересел в автобус, который вез его по Ростовскому шоссе к «Компрессорному заводу». На остановке было много людей, и каждый старался подойти поближе к двери автобуса.

Дмитрич глубоко выдохнул и обтер со лба пот, когда толпа у автобуса оказалась позади. Его внимание привлекла пожи-

лая женщина. Она не торопилась попасть в автобус, а скромно сидела на скамейке. Перед женщиной стояла клетчатая сумка, из которой торчала голова черной курицы. Стрик на мгновение замер. Показалось, что видит он свою бабуку, сидящую на похожей остановке с мешком, в котором сидел петух, ожидающий своей участи. Женщина на остановке, даже близко, не была похожа на бабуку, ту, что воспитывала его с ранних лет, но сама ситуация казалась такой знакомой и родной.

Поселок городского типа, в котором прошло детство Дмитрича, находился на правом берегу реки Камы в Нытвенском районе Пермского края.

Рабочих лесоперевалочного комбината расселили тогда в бараки, отстроенные по соседству. Хозяйство бабуки состояло из рыжего кота и старого черного петуха. Много раз старуха порывалась зарезать птицу, но не поднималась рука. Ваня возвращался со школы и застал свою бабуку на конечной остановке, настойчиво требующей от водителя автобуса:

– Зарежь петуха, не откажи. Я если бы могла, так и не попросила. Сил не хватает. Режь, говорю.

– Кровью меня заляпает твой петух, не отмоюсь ведь, а мне людей возить. Что они подумают, когда меня по локоть в крови увидят, а?

Встретившись взглядом с внуком, старуха отступила. Иван подхватил мешок с петухом, и они все вместе направились домой. Из-за дощатого забора выглянул пухлый ра-

бочий лесоперевалочного комбината. Он вопросительно посмотрел на петуха, затем на бабуку и вновь на петуха.

– Бабуль, ну вы ж скотину резать-то обещали, а отчего помиловали? – обратился рабочий к старушке. – Он же, собака такая, спать всему району не дает. Только к утру в комнату подует прохладный ветерок, а вместе с ним и оглушительное кукареку зверинца вашего.

– Жалко, сынок. Не могу. Вот, хоть убей, а не могу, – оправдывалась старушка.

– Не можете зарезать, так продайте его мне, – взмолился рабочий.

Взгляд старухи метался от мешка, в котором всё еще сидел петух, к соседу и обратно.

– Рубль дам, – начал торги сосед. Тут же, не заметив энтузиазма, он продолжил, – три рубля, пять рублей дам, пять, только отдайте мне проклятого петуха.

Старуха развязала мешок, дав волю пленнику, после чего извинилась пред соседом и зашла в дом. Сцена, свидетелем которой был Иван, глубоко поразила юношу.

– Вы при мне просили зарезать несчастного петуха, а теперь же отказались продать его даже за пять рублей???

– Ванечка, я действительно хотела его зарезать, но откуда же мне было знать, что он так дорого стоит! Да мне же суп с него в горле за такие деньги станет.

Дмитрич вспомнил эту сцену так живо и так ясно, как если б увидел её только вчера. Но бабки не было в живых

уже очень много лет. Усталой улыбкой старик попрощался с незнакомкой, которая так и не поняла причину внимания к своему живому багажу.

Глава четвертая

Иван Дмитриевич переступил порог вагончика и почувствовал невероятное облегчение. Он пил с носика закопченного чайника и никак не мог напиться. На лбу проступил холодный пот, кровь пульсировала в жилах. Признаки болезни уставшего сердца были ему хорошо знакомы. Не снимая ботинок, он опустился на постель и долго глубоко дышал с закрытыми глазами.

Дыхание стало ровнее.

– Этого только не хватало, – причитал дед, – и надо же мне было на экскурсию эту ехать, чего спрашивается, я там не видел?!

За окном сгущался мрак. Старик расстегнул все пуговицы на рубашке. Толкая поочередно носком одного ботинка каблук другого, он сбросил пыльную обувь и заснул.

Сторожа разбудил глухой металлический звон. За окном ярко светило солнце. Пачка сигарет топорщилась в кармане брюк. Лежа достать сигареты не получилось. Опираясь на жесткую постель, он слегка приподнялся. Ноющая боль шла от левой ноги к поясице. Проклиная всё, на чем стоит свет, Дмитрич все же встал с кровати и, шатаясь, покинул свое

жилище.

Андрей отбивал молотком застывший на лопате бетон. Увидев старика, он отложил инструменты в сторону и поднялся с колен. Мужчины молча поприветствовали друг друга рукопожатием. Дмитрич вынул из кармана мятую пачку «Явы», заглянул в нее и швырнул в сторону, что означало – сигарет не осталось.

– И у меня кончились, – нарушил тишину Андрей, – но есть кофе. Растворимый.

Старик кивнул:

– Пойду, поставлю чайник.

В стороне от вагончика сторожа стояла печка-буржуйка. Добротная армейская печь из чугуна в теплые месяцы стояла на улице. На ней Дмитрич варил кашу, которой питался сам и кормил собаку. Зимой печью отапливался вагончик.

Старик сунул в топку смятую газету, обложил её щепками и поджег. Из трубы пошел белый дым, медленно опускаясь и разъедая глаза. В огонь отправились несколько просушенных дощечек. Дым заструился ровно и почти без запаха. Вскоре вода в чайнике закипела. Андрей высыпал в кружки кофе из пакетиков, залил кипятком и поставил на колоду для колки дров. Туда же он положил пачку сигарет, которую купил, пока грелся чайник.

Утро было прохладным. Старика знобило. Крепко, обеими руками, он сжимал кружку с кофе, легонько дуя на горячий напиток. Отпив маленький глоток, Дмитрич поставил

кружку обратно на пень. Он задумчиво смотрел на пар, поднимающийся с кружки. События, которые происходили давно, старик помнил очень точно, до мелочей, но не всегда был уверен в том, что происходило вчера. Дед утешал себя тем, что ни вчера, ни позавчера не происходило ничего, о чем стоило бы вспоминать.

– Хороший ты, Андрюха, человек всё-таки. Много тут народу разного до тебя работало. Важные все, деловые ходили. Не здоровались даже, не то, что б кофеем угостить.

– На здоровье, Иван Дмитриевич, чем богаты, так сказать.

– Не в богатстве дело. Богачи народ скупой, уж поверь на слово. И называй меня, пожалуйста, просто – Дмитрич, я, так больше привык.

– Да, уж, легче будет верблюду пройти сквозь игольное ушко, чем богачу войти в царствие небесное, – заключил Андрей уверенно, и добавил, – так в Библии написано.

– Правильно написано, я хоть и не читал, а соглашусь, что правильно. В мое время Библию не читали, а жили, получается, так, как написано. Сейчас все образованные, в церкви ходят, свечи ставят, а стакана воды не допросишься. Одно на уме – деньги.

Андрей соглашался с каждым словом.

– Сейчас принято считать, что при коммунистах все атеистами были, – продолжал старик, – это не так. И раньше в Бога верили, просто не принято было это обсуждать. Кто очень хотел, тот и крестик носил и даже в церковь ходил. Я

как-то не думал об этом раньше. При крепком здоровье об этом вообще мало кто думает. Случилось же мне как-то на кладбище поработать...

Андрей вздрогнул и уставился на старика взглядом, полным недоумения.

– В смысле, на кладбище? Кем?

– Ну, я ж строитель, вот и строил там склепы, памятники устанавливал. Так вот, должен тебе сказать, что даже партийным работникам, почившим, желали царствия небесного. Никто ведь не знает, что их там ждет, а страх перед неизвестностью любого идеолога сломает. Работал со мной парень, Айказом его звали. Невысокий, на первый взгляд щупленький, как ты, но жилистый. Выпить любил, ну, как любой человек. Пошли мы с ним как-то в пивную. Пиво такое сейчас уже не делают, – Дмитрич облизнулся, – выпили, много выпили. Поздно уже было, а возвращаться далеко. Спустились на станцию «Пролетарскую» Горьковского метро, это Нижний Новгород сейчас, ну Айказа и придавило по маленькому сходить. Людей на станции не было. Отошел он за мраморную колонну и стал там свою нужду справлять. Я это дело, конечно, осуждаю, но ситуация казалась безвыходной, так что я его прикрывал на всякий случай. Надо же было такому случиться, что именно в этот момент шел по станции патруль. Айказа задержали. Меня отпустили сразу, это ж не я на мраморную колонну мочился, так что, я домой поехал. Ну, думаю, не скоро мы свидимся. Приезжаю утром на кладби-

ще, а он уже там. Раньше меня приехал. Я, конечно, удивился, такое дело, всё-таки хулиганство, да ещё и пьяненький. Рассказал он мне тогда историю, что посадили его в бобик и отвезли в отделение. Обращались грубо, кто-то даже пенка под задницу отвесил, неуместно шутили, в общем, приняли, как-то не радушно. Лысенький лейтенант, которому с виду Айказ дал лет сорок, и он еще удивился, что сорок лет, а лейтенант, заполнял какие-то бумаги. Айказ ему тогда строго так сказал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.